3-й ГОД ИЗДАНИЯ

№14

СМЕХАЧ

МАЙ 1925 — Ленинград, Просп. Володарского, 53-а. Ред. тел. 5-49-78, конт. тел. 1-68-80 — Цена 25 коп.

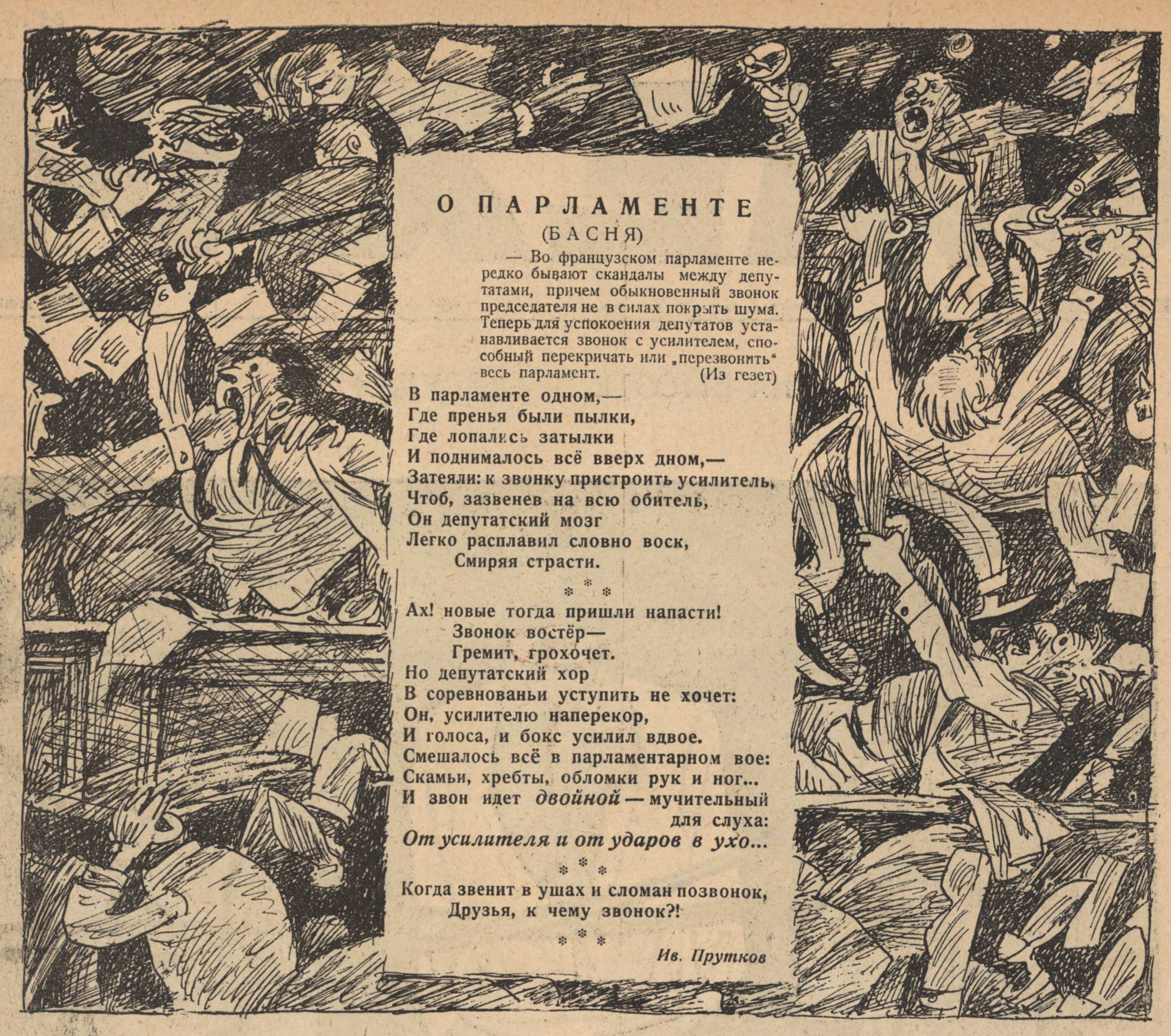
НА ВЫСОТЕ ПРАВОСУДИЯ

В Болгарии многие обвиняемые по делу о взрыве не присутствовали на суде, так как до суда были убиты.

Рис. Л. Бродаты

Последнее слово подсудимого...

О ПАРЛАМЕНТЕ

(БАСНЯ)

— Во французском парламенте нередко бывают скандалы между депутатами, причем обыкновенный звонок председателя не в силах покрыть шума. Теперь для успокоения депутатов устанавливается звонок с усилителем, способный перекричать или „перезвонить“ весь парламент. (Из газет)

В парламенте одном,—
Где пренья были пылки,
Где лопались затылки
И поднималось всё вверх дном,—
Затеяли: к звонку пристроить усилитель,
Чтоб, зазвенев на всю обитель,
Он депутатский мозг
Легко расплавил словно воск,
Смиряя страсти.

* * *

Ах! новые тогда пришли напасти!
Звонок востёр—
Гремит, грохочет.
Но депутатский хор
В соревнованьи уступить не хочет:
Он, усилителю наперекор,
И голоса, и бокс усилил вдвое.
Смешалось всё в парламентарном вое:
Скамьи, хребты, обломки рук и ног...
И звон идет *двойной* — мучительный для слуха:
От усилителя и от ударов в ухо...

* * *

Когда звенит в ушах и сломан позвонок,
Друзья, к чему звонок?!

* * *

Ив. Прутков

„РЕВИЗОР“ В СОВРЕМЕННОСТИ.

(Цитаты кстати)

О частном капитале.

„Проклятый купчишка Абдулин. О, лукавый народ. А так мошенники, я думаю, так уж просьбы из-под полы и готовят“.

Ксендз Усас (Возвращаясь обратно— из заграницы).

„Вот не доедем, да и только, домой. Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошел, как уж из Питера“.

Тов. Зиновьев (читает очередное поддельное „свое“ письмо в английских газетах).

„Его высокоблагородному светлости господину Финансову. Черт знает что, и чина такого нет“.

О походе на СССР.

„Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, нет мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь, просто черт возьми“.

Врангель (мрачно).

„А меня один раз приняли даже за главнокомандующего“.

В. Маяковский (О самом себе).

С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю я ему: „Ну, что, брат Пушкин? — Да так, брат, — отвечает, бывало.—Так как то все. Большой оригинал“.

Мурашко (Хвастается).

„После видят—нечего делать, ко мне. Иной раз и министр... Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш...“

Прокурор—ксендзу Усасу.

„Какие вам больше нравятся, брюнетки или блондинки? Нет, нет, не отговаривайтесь, мне хочется узнать непременно ваш вкус.“

Муссолини (Наедине).

„Мне, кажется, однако, они меня принимают за государственного человека. Экое дурачье“.

Польский консул в Минске—Карчевский.

„Ах, какой пассаж! (Укладывая чемодан). Какой реприманд неожиданный. (Уезжает)“.

Польское правительство (Готовясь к делу Мурашко).

„Унтер-офицерша налгала, будто бы я ее высек. Она врет, ей богу, врет. Она сама себя высекла“.

Господину Эррио.

„Лошади готовы! Да, не нужно ли вам в дорогу чего нибудь“?

Бальфур (В Палестине).

„Что там такое? Посмотри, что за шум? (В окно влетает камень).“

Усышкин (Перед памятником Бальфуру).

„Что за скверный город. Только поставь какой-нибудь памятник или просто забор, черт их знает—откуда не нанесут всякой дряни“. (Арабы забрасывают памятник Бальфуру навозом).

Гинденбург (Перед президентскими выборами).

„Но, думаю, дойдет до государя, да и послужной список тоже. Извольте, говорю— я принимаю должность, я принимаю, только у меня ни-ни-ни.“

Социал-Барматы.

„А ва...ва...ва...шество... Превосходительство“.

Собрал:

Незнакомец

ПО ПОГОВОРКАМ

Жене—шляпа, а мужу—растратата.

Толковый председатель собранию спать не дает.

У трех кооперативов—тридцать пассивов.

Полюби беспартийного, а партийного всякий полюбит.

СИСТЕМА

В дом отдыха приехал Стуколкин к обеду. За длинным столом сидели отпускники и молча хлебали суп. На приветствие Стуколкина все ответили молчаливым кивком головы. Только один молодой, конторщик—надо полагать, сочувственно поглядел на Стуколкина, будто хотел сказать:

— Попался, голубчик? Пропал ты теперь.

Стуколкин нагнулся к соседу.

— Давно приехали?

— Не поворачиваясь, сосед помотал головой и ничего не ответил.

— Немые они, что-ли?—подумал Стуколкин.

Подали суп. Надо сказать, наваристый суп подали, не брандахлыст. И котлетины две на второе принесли здоровенные, с калошу. Насилу одолел Стуколкин такой размер. После обеда сейчас-же подошел доктор.

— Товарищ, у нас отдых по системе, а разговаривать во время еды вредно. За разговорами вы плохо пережевываете пищу и не даете ей возможности пропитаться слюной.

— Строго у них,—подумал Стуколкин, устраиваясь в гамаке, — слюни распускать за едой требуют.

— А как вы лежите?—закричал доктор.—Посмотрите на положение тела.

Стуколкин приподнялся на локте и оглядел себя.

— Положение отдыхающее, товарищ доктор.

— Разве это отдых? Ведь вы нарушаете правильное кровообращение.

Доктор уложил ноги Стуколкина в гамак.

— Вот как надо лежать. А как вы держите газету? Вы утомляете зрение.

Доктор отвел руку с газетой.

— Да,—думал Стуколкин,—тонкое тут обращение с кровью, всякие удобства ей представлены. И с глазом не шути, держи его в отдаленности.

После повели всех на пляж.

— Смотрите, смотрите, как он ходит!—вскрикнул доктор, указывая на Стуколкина—зачем вы сдавливаете грудную клетку?

Доктор взял Стуколкина за плечи.

— Разверните плечи... Выпрямитесь... Голову подымите... Вот так... Теперь, для развития легких, через каждые четыре шага вы делаете глубокое вдыхание и полный выдых.

Проглотив аршин, индюками шагали отпускники. Доктор шел сбоку и кричал.

— Вздох!.. Выдых!.. Вздох!.. Выдых!..

На пляже, когда Стуколкин разделся и лег на песок, доктор снова подошел.

— Обратите внимание на свою кожу. Это что?

— Пупырышки, — сказал Стуколкин, проводя ладонью по голой ноге.

— Вот, вот, гусиная кожа. А посмотрите на мою кожу.

Стуколкин осторожно погладил докторскую руку.

— Действительно... Вроде шевра.

Доктор расставил отпускников в ряд на песке, а сам вышел вперед.

— Упражнение номер первый. Развитие мускулов ног и живота. Глубокое дыхание. Ра-аз, два-а...

Отпускники приседали, нагибались, выпрямлялись.

— Через нос дышите, через нос! — кричал доктор. — Упражнение номер два. Развитие мускулов рук и шеи. Одновременно массаж. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь.

Следуя за доктором отпускники сгибали руки и гладили себя по затылку и плечам. На пятом упражнении Стуколкина прошиб пот, и снова он поймал на себе сочувственный взгляд молодого конторщика.

— Попался, голубчик? Пропал ты теперь.

На десятом упражнении развитие кончилось. Тяжело дыша, отпускники сопели носами. Стуколкин снова было хотел плюхнуться на песок, но доктор удержал.

— Нельзя, нельзя, вредно.

Вечером, после ужина, сейчас-же погнали всех спать. В воздухе после жаркого дня стояла прохлада, Стуколкину хотелось выйти в сад посидеть, покурить, но доктор замахал руками.

— Нельзя, нельзя, вредно.

Когда отпускники улеглись, доктор оглядел всех и подошел к Стуколкину.

Повернитесь на правый бок. Руку положите вдоль тела.

— На животе я сплю, товарищ доктор...

— Нельзя, нельзя, вредно. И вы не думайте на живот лечь, когда я уйду,— все равно поправлю. Я и ночью хожу смотреть. А завтра в уборную с вами пойду, надо проверить, какой у вас стул, нормально-ли ходите.

Стуколкин повернулся на-бок и увидел прищуреный, смеющийся глаз молодого конторщика.

— Попался, голубчик! Пропал ты теперь!

К. Мазовский

„МАШИННЫЙ ТРУД“

— А ты, Степанида, всё неграмотная? И не стыдно тебе?

— Чего стыдиться? Теперь и без грамоты прожить можно, потому во всех учреждениях теперь пишущие машинки имеются!

— У нас на заводе курортные места разыгрывали.

— Ну что, выиграл?

— Да, выиграл. Ревматик — я, а мне кумыс достался!

ПОСЛЕ „ВЫБОРОВ“

ПЯТИГОРСК. Для обслуживания курортов Управление Минеральными водами пригласило для поликлиник 20 известных профессоров.

Больным предоставляется право выбора врача по своему усмотрению.

Рис. В. Лебедева

— Выбрал я, милый, врачиху, а теперь опасаюсь, потому болезнь у меня не женская...

— А почему же не врача?

— Да, ведь, сказано: дорогу женщине!

НАУКА И ТЕХНИКА

(По американски)

— В американских банках, для охраны денежных шкафов от воров, установлены особые аппараты с ядовитыми газами. Если вор, не знающий секрета замка, откроет шкаф, аппарат приходит в действие и человек задыхается.

Рис. Н. Радлова

А по нашему можно и проще. Конструкция совершенно несложна: рычаг граммофона соединен тонким шнуром с дверной ручкой.

Сто́ит злоумышленнику потянуть за ручку, как граммофон тотчас приходит в действие, пробуждая хозяина предостерегающим возгласом:

— Вставай, проклятьем заклейменный!

СУКОННОЕ РЫЛО

Недавно сижу я в Летнем саду. Курю папиросу. И сидит рядом со мной на скамейке гражданин какой-то. По виду не то монтер, не то техник. Сидит и морщится от моего дыма.

Я уж этак и так, стараюсь, вообще, не попасть в его рожу дымом. А ветер на него.

Вдруг монтер трогает меня за рукав и говорит:

— Бросьте вы, товарищ, такое дерьмо курить. Нуте-ка я вас угощу настоящим английским табачком. Мне бывший дядя из Англии прислал...

Вынимает он из кармана коробку и подает.

Я говорю:

— Ну что ж я вас разорять-то буду?

— Да нет, говорит, этим мне даже счастье доставите. Потому у меня, прямо скажу, слабость к заграничной продукции. Очень одобряю заграничные продукты. Возьмите.

Я взял папиросу.

— Да, говорю, заграничная продукция это действительно. Выдающая продукция. Много, говорю, вещей стоющих.

— Не только много,—говорит монтер,—а все. Чего не возьмите. Раз это заграничное — баста, заранее одобряю. Да взять, например, хотя бы кроликов. Давеча нам в кооперативе давали мороженных австралийских кроликов... Эго, действительно, кролики! Этого кролика ешь и на зубах прямо чувствуешь культуру и цивилизацию. А наш кролик? Дрянь кролик. Четыре ноги, хвост— вот вам и кролик. Да, может, это вовсе и не кролик, а очень просто собака, или петух дохлый. И никакой цивилизации... А давеча я положил на окно полфунта ливерной колбасы, возвращаюсь — нету колбасы. Кошка слопала. Вот вам и советское производство!.. Ну какова папиросочка?

— Да,—говорит монтер,—хороши ихние кролики, а табачек каков, а? Бывший дядя из Англии прислал... Эмигрант... Кури, пишет, братишечка, знавай нашу продукцию... Да вы затянитесь нарочно поглубже... Это такой табак, что я три дня курю и мне помирать неохота. А дым-то, дым-то какой голубой! Феерия, а не дым. Да разве у русских этакий дым бывает? Ну, да табак хвалить нечего. Это все умы признали. А вот производство. Чистота. Порядок. Набивка какая! Вы нарочно посмотрите, какая набивка. А взять, например, коробку. На вид—дрянь коробка. Ну чего в ней? Коробка и коробка. А какая изящная простота. Ничего лишняго. Ничего не болтается из нее. Не скрипит. Английская надпись и ничего больше... Эх, далеко нам до заграницы! Куда уж нам с суконным рылом в калашный ряд...

Я взял коробку, полюбовался. Действительно, коробка была хорошая. И на крышке было что то объяснено по английски. А внизу мелко-мелко было напечатано: „Гублит. Типогр. Акад. Наук. Тучкова наб.“.

— Послушайте,—сказал я монтеру,—тут что-то пропечатано.

Монтер взглянул на коробку, задумчиво побарабанил по ней пальцами и сказал:

— Подсунули, подлецы. То-то я и смотрю, что такое? Будто бы и не то. Три дня курю—голова болеть начала, тошнит...

Он затянулся.

— Так и есть,—сказал он.—Дрянь папиросы. И дым-то едкий какой. От бумаги наверное. Жженой тряпкой воняет. Тьфу, черт! Тоже продукция! Далеко нам с суконным рылом до ихней цивилизации.

М. Зощенко

РАССКАЗЫ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ

1. О СИМУЛЯНТЕ КОНОВАЛОВЕ

Жил был Коновалов. Коновалов был плотником. А еще он был членом союза строителей. Коновалов был очень хитрый. Один раз он взял и заболел. А чтобы потягаться хитростью с докторами, взял и позвал доктора на дом. Доктор пришел, глянул, постучал, послушал и нашел у него острый катарр желудка и кишок. Обманул, значит, Коновалов науку. Грошевая эта самая наука медецина. А Коновалов хитрюг. Мало ему доктора обставить, — решил еще и больницу обставить. Попал и туда.

Сидит, или лежит там и думает:

— Как бы еще схитрить?

Схитрил. Другой доктор нашел у него съужение горла, а через несколько дней комиссия из четырех врачей нашла слабость после острого катарра желудка и кишок. Но, не даром в старину писали: бог правду видит, да не скоро скажет.

После отпуска Коновалов, еле двигаясь, пришел на комиссию, и она приняла это за симуляцию и направила Коновалова, как здорового, на работу.

Четыре дня ходил после этого симулянт на работу. Совесть, наверное, заговорила.

Да не надолго. На четвертый день Коновалов окончательно слег, пригласил районного врача Лошкина, который вновь его отправил в больницу, и через неделю Коновалов умер.

Дети! Если не хотите умирать, то...

— Не симулируйте?

Дети! Не перебивайте! Не хорошо человека перебивать! Пусть он выговорится!

— То перемените комиссию!

А было это, дети, в Сталинграде... Да, миленькие, в рабочем Сталинграде.

2. О РАБКОРЕ КАЛАШНИКОВЕ

В Москве живут товарищи: Сосновский, Бедный, Бухарин, Рафаил и другие—и за рабкора горой стоят. И рабкору с нимилегче. Чуть что, сейчас Москва поднажмет, ну рабкору и мало стьлегче будет.

А ежели уголок глухой, то хуже. Пока Москва услышит, глядишь, много воды утечет. А в одном глухом уголку, куда глаз Москвы не дошел, случилось вот что,—рабкора со службы поперли,— не рабкорствуй, дескать, змееныш!

Так и в газете об этом напечатали:

Со службы в Госстрое увольняется тов. Калашников, который в одно и то-же время является рабкором газеты „Борьба".

Бюро рабкоров и юнкоров союза строителей имеет основание предполагать, что он увольняется, вследствие обличительных корреспонденций в местной прессе.

Тут, конечно, не то дико, что рабкора поперли. Государственное учреждение получше Москвы разбирается в рабкорах. Дико то, что и этот случай произошел в Сталинграде, в рабочем Сталинграде.

3. ПРОФУПОЛНОМОЧЕННЫЙ МОШЕРОВ

Жили были рабочие. Рабочие работали на заводе, который назвали „Красным Октябрем". Рабочие любили Октябрь и, конечно, не любили пьянку.

На-днях в сортовые цеха „Красного Октября" сварщик Мошеров явился на работу пьяный.

На вопрос—зачем пьяный пришел в цех, Мошеров гордо ответил:

— А что мне не пить, если я ответственная личность—профуполномоченный, член заводкома.

Медвежий это угол, дети, ежели такие профуполномоченные в нем.

А угол этот называется Сталинградом. Словом, гони одно к одному.

4. ДУРА АНТОНОВА

Все умные люди знают, что число „13" несчастливое число. А дура Антонова этого не знала. А самогон все-таки варила. Вари не вари, а от обыска не уйдешь. Не ушла и Антонова. Пришел милиционер и нашел у нее аппарат, работающий „полной нагрузкой", и 11 бутылок готового „фабриката".

Антонова, чтобы избежать неприятности, предложила милиционеру... 13 штук яиц.

Теперь Антоновой придется отвечать и за самогон, и за взятку.

Сидит теперь горемыка и волосы рвет,—поняла, да поздно, что не самогон ее сгубил, а „13" яиц. Эх, малохольная!

А было это в...

Правильно, ребятки,—в Сталинграде, в рабочем поселке имени Ермака.

5. СПИЧКИ

Чирк и не горит. Чирк, чирк, чирк и не горит. Всю коробку исчиркал, и ни одна не загорелась. Купил вторую коробку. Чирк, чирк, чирк, чирк,—хоть бы одна!

А было это в...

— Знаем! Знаем! В Сталинграде!

Ну, милые мои, здесь Сталинград не при чем! Чиркал я, скажем, в Сталинграде,—никак уж сегодня от него не отверчусь, а на коробке лев у пирамид нарисован. А уж если лев с пирамидами, так это уже Пенза. А фабрика называется „Власть Труда". Неподходящее название...

Евгр. Дольский

ПРИСЯГА НА ВЕРНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ

Рис. Л. Бродаты

***Гинденбург*: Извольте! И не только два пальца, а даже комбинация из трех!**

В ШКОЛЕ

Рис. Б. Антоновского

— Иванов! Какая часть речи Коминтерн?
— У нас—имя существительное, а у буржуев—предлог.

ОТХОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ

Пинегин, задрав ноги, лежал на диване и мрачно курил.

— Жан!—обратился он ко мне замогильным голосом.—Жан! я хочу славы. Понимаешь, друг, мне надоело однотонное сереженькое существование. Ну, что это за жизнь? Ну, прекрасно—я недурной газетный работник. Никто другой лучше меня не сумеет найти гвоздь для номера, выудить беседу заезжей знаменитости и рассыропить ее на полтораста строк. Я пишу много и о чем угодно: о пожарах, о грядковой культуре, о ликвидации неграмотности, о тепловозах... О чем только, чорт дери, не пишу?! А славы нет. Славы нет даже в нашем медвежьем уголке. Выйди на улицу и спроси, кто такой—Антон Пинегин? Заморгают недоуменно глазами, а в лучшем случае выскажут предположение; не он-ли торгует сыром и маслом на Свиной улице? Отвратительно! Живешь, работаешь, и никто тебя не знает дальше редакции!..

— Напиши „Войну и Мир" Толстого—сочувственно предложил я.

— Старо, друг мой,—неоригинально. Повторяться не следует. И потом, чорт возьми, у меня и бумаги не хватит на этакое сочинение.

— А ты обязательно хочешь быть известным? Тогда вот что: начни петь в кинематографах.

Он приподнялся на диване и неожиданно зафальшивил надтреснутым баритоном:

„Не плачь, дитя, не плачь напрасно..."

— Ну что? как?—спросил он, оборвав пенье.

— Отвратительно,—поспешил я установить квалификацию.

— То-то! Сам видишь, что с этой стороны для меня нет дороги к славе... Не хватает школы...

— Хороши также эксцентрические танцы...—осторожно напомнил я.—Помнишь эту парочку из „Нью Стара"? Для танцев голос не требуется.

Пинегин слез с дивана и вытянулся передо мною во весь рост. Беглого взгляда было достаточно, чтобы заметить впалую грудь, согнутую спину и оригинальную конструкцию ног, выгнутых в стороны, на подобие икса.

— Что́, кроме отвращения, вызовет у зрителя подобная фигура?—спросил он с отчаянием:—Что?!

Я чистосердечно сознался:

— Взрыв негодования.

— И все же, раздери меня чорт—я прославлюсь!—закричал он зловеще потрясая кулаком:—Я заставлю говорить о себе! Мое имя обойдет весь С.С.С.Р.! Прощай!

Положение становилось угрожающим. Я видел, что мания величия засела в бедняге очень крепко и может привести к какой-нибудь безумной выходке.

— Послушай,—сказал я, удержав его руку:—Надеюсь, ты не собираешься сжечь храм, как Герострат?..

— Храм? Очень нужно! Это было бы неоригинально. Это был бы плагиат.

— Ну, не храм, так что-нибудь другое: биржу, что-ли?...

— Ничего жечь не стану. Имей ввиду, что славе Геростата помогло отсутствие пожарных. А в наше подлое время чиркнуть спичкой не успеешь, как уже на каланче зазвонят... Нет, дорогой мой, я придумаю что-нибудь поновее. Прощай! Ты еще услышишь об Антоне Пинегине!

* * *

На другой день мне сказали, что Пинегин беседовал неизвестно о чем с редактором и заведывающим конторой, вышел от них сияющий, с чеком на аванс, получил деньги и, как говорится,—„исчез в сияньи голубого дня", окутанный облаком тайны.

Что случилось с ним дальше, читатель узнает из следующих газетных вырезок:

г. С—ск. Прибыл репортер „Красной Зари" т. Пинегин, совершающий путешествие пешком из Бахмута в Мурманск. Завтра он следует дальше.

Харь—в. Сегодня в город прибыл путешественник Пинегин, направляющийся пешком в Мурманск. Редакция местной газеты устраивает в честь путешественника банкет.

Кур—к. Знаменитый пешеход Пинегин проследовал сегодня через город, по пути в Мурманск. Спорт-кружки с музыкой и флагами провожали смелого туриста. Он выглядит бодро и думает закончить путешествие не дольше, чем в один год.

Ор—л. Пинегин прибыл в город. Вечером он выступит с докладом в спортивном клубе, а завтра следует дальше. Местная пресса помещает интересное интервью с выдающимся пешеходом.

„КАК И ПОЧЕМУ Я ШАГАЮ"

(Беседа с А. И. Пинегиным)

Плавание по воде и летание по воздуху менее свойственно человеку, нежели самое обычное хождение на ногах по твердой земле—так начал наш уважаемый Антон Иванович.

К сожалению, развитие техники, протекающее в наши дни бешеным темпом, отодвинуло ноги на задний план. Громоздкие сооружения, вроде поездов, автомобилей, аэропланов и, наконец, лошадей,—привели к тому, что человек ослабил свои природные средства передвижения, а именно ноги, которые мало-по-малу атрофируются и могут рокончательно исчезнуть с лица земли.

Что же тогда будет? В какое ужасное экономическое положение попадут сапожники и портные, лишенные возможности шить брюки и сапоги?! Что скажет об этом кожтрест и прочие угрожаемые учреждения?

И вот я бросаю лозунги: „Даешь ноги!" „Все лицом к ногам"! Я говорю: товарищи, становитесь на ноги и, смело шагайте с севера на юг, от одного полюса до другого!

Применяю-ли я какой-нибудь особый метод? В сущности, нет. Я двигаю ногами попеременно, то левой, то правой, и никогда—обеими вместе. Я стараюсь итти по ровной дороге, ибо известно, что густой, непроходимый лес, а также болота—являются довольно существенным препятствием. Следует отметить, что я никогда не иду подряд две ночи, или два дня, так как дни с ночами, как известно, чередуются.

Вот и все, что я могу вам сказать. По окончании путешествия, я намерен составить *„Подробное руководство для путешествия пешком"*, с таблицами и цифровыми данными. Льщу себя надеждой, что такую книжку „Госиздат" оторвет с руками и ногами...

В той же газете, рядом с интервью, были помещены две фотографии: 1) А. И. Пинегин, к приходу его в город. 2) одна из двух ног нашего короля пешеходов.

* * *

В один дождливый день я лежал на диване. Бухгалтер Спица маячил перед глазами, нервно шагая из угла в угол.

— Пинегин-то! А? Кто бы мог предполагать в нем такой талант?! Был маленький репортер, а теперь на!—возьми его голыми руками! Далеко шагнул...

— А где он сейчас шагает?—справился я.

— Под Тулой. Сегодня из Тулы телеграмма есть: „Проследовал Пинегин. Отзывчивые туляки поднесли славному пешеходу ведерный самовар." Ведь, вот, ей-богу! Одно к одному: и слава, и самовар. А тут сидишь, корпишь над счетами, и ни черта!

В голосе Спицы зазвучала откровенная зависть к человеку, вознесенному ногами на вершину славы.

Признаться, я тоже не остался равнодушен к самовару.

— А что, Спица,—сказал я, поднимаясь с дивана:—Что, если мы с вами махнем за Пинегиным вслед?

— Пешком?

— Пешком.

— Поздно! Уже и без нас нашлись подражатели: пол-города пошло пешком в Мурманск. Это уже не ново.

Я чувствовал, что загораюсь энтузиазмом.

— Не ново?—вскричал я:—Хорошо! Мы придумаем что-нибудь новенькое. Например... например, почему бы нам не отправиться в лодке, или верхом на собаках...

— Поздно, поздно! В лодке уже отправился фотограф Балдин, верхом на собаке—корректор Шпыняев... Он—маленький, тоненький, а собака здоровенная, как бык. Вчера отбыл Завитулин—он скачет на одной ноге, другая подвязана и опечатана. Сегодня отправляется Васюченко—ползком на четвереньках... Они, черти, перехватили буквально все оригинальные способы! Ничего не осталось!

Я сидел на диване в мрачном размышлении. И, вдруг, меня осенила идея.

— Ура, Спица! Я придумал выход. Мы остаемся и никуда не идем. Понял?

— Ну, и что же дальше? До сих пор мы тоже никуда не шли.

— Чудак! Но зато уходят другие. Пол-города ушло. Уйдет вторая половина, и тогда—дело в шляпе: мы знамениты, о нас будут писать, наши портреты напечатают в журналах!..

— Это почему же?

— Да потому, что мы будем *единственные в городе люди, которые никуда не пошли.*

* * *

И вот мы терпеливо сидим на своих местах, мы высиживаем славу.

Не правда-ли, это совершенно новый вид спорта?

Ив. Прутков

ПОРТРЕТ

Колыхая брюхо, подошел к дивану.
Развернул газету. Закурил гаванну.
Вытянул копыта в элегантных „джимах“.

— Ну-ка, что творится в Лондонах и Римах?
Не глаза—гляделки ищут в черной вязи,
Нет-ли новых „писем“, нет-ли новой грязи.
Приложил газету к жирному колену,
Розоватым ногтем чиркнул Чемберлена.
Пожевал губами. Сбросил на пол пепел.

—Персель-то каналья!.. просто осволепел!...
Ну-ка, не раскрыт-ли новой заговорчик?...
Зиночка, голубка, дай сюда ликерчик...
Этто понимаю!.. Этто пару задал!..
Так вам, негодяю! Так вам-мол и надо!
Вам покажет Цанков глупую коммунку...
Вот бы нам такого; заходили б в струнку!
Распустили к чорту, к дьяволу рабочих;
Ни один мерзавец шапки снять не хочет:

— Я теперь диктатор!.. Я, мол, про-ле-та-рий!..
Так бы вот и двинул по чумазой харе!
Что такое, Зина? Подали машину?
Еду!—На машине сделал три аршина.
Поднялся на лифте. Постучался:—Можно?..
Протянули руку. Подал осторожно.

— Мы, конечно, спецы... Мы, конечно, немы...
Но (с улыбкой сладкой) я насчет тантьемы.
Верьте, за советы я стою стихийно...
Даже сам не знаю, как я беспартийный...
Но семья... расходы... сын туберкулезный...
(В голосе дрожанье, на ресницах слезы)
У отца подагра, у жены аборты...
Я не как все спецы, я другого сорта:
Жизни не жалею. Жизнь, простите,—дура,
Только б удержалась *наша* диктатура...

* * *

Колыхая брюхо, подошел к дивану.
Пнул ногой газету. Закурил гаванну.
Зиночка тревожно:—Жоржик милый, что ты?
— Отказали, черти... Сволочь!.. Санкюлоты!!...

Р. Волженин

„КРОВНАЯ ОБИДА“

— И обстановку себе купил, и шубу жене справил, и два сервиза чайных приобрел, и обои переменил, а всё, черт возьми, в бесхозяйственности меня обвиняют!

НА УЛИЦЕ

— Взгляните сюда. Вот это—исправдом.

— Мерси. Я не люблю заглядывать в будущее...

ЗАБЛУДИЛСЯ

— Гр-р-ажданин,—где тут пивная?

— Да вот же—перед вами.

— Н-нет... Я из этой только что вышел.

ОДИН ИЗ МНОГИХ

— Пойдем, Коля, на доклад. Там новую производственную программу покажут.

— Скучно! В этой программе дивертиссемента нету!

МЕДНАЯ ОКТАВА

Нанять духовой оркестр дешевле, чем попа и дьякона. Это обстоятельство содействует росту бесцерковных свадьб. (Из газет)

Рис. В. Козлинского

— Что поделать! С духовного песнопения на духовое переходить приходится...

ДВЕ НАГРУЗКИ

Один видный работник, единственный спец в научной области круглые сутки *заседает*. (Из речи т. Семашко)

Рис. Л. Бродаты

Пионеры, сплошь и рядом, перегружены физкультурой. (Из газет)

— Вот-бы пошагать!..

— Эх, посидеть-бы!

НЕУДАЧНИК МАРУСЬКИН

(Радио-повесть)

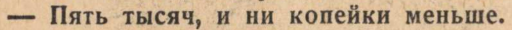
Вы скажете: волны... антенны... эфир...
Великая, наконец, решена задача,
Волшебный рождается радио-мир,
И Юз, против радио—дряхлая кляча!..
Предположим. Допустим. Скажем, что так.
Настали открытий желанные сроки.
Нэ вот—случай нелепый: как в мисс О'Бризак
Влюбился Маруськин, человек одинокий.
Подведя на службе очередной баланс,
Маруськин сидел у радио-диска,
И услышал однажды нежнейший романс,
Поданный по радио из Сан-Франциско.
Через Атлантику звуки сладчайше неслись,
Переливалось сопрано с суши на сушу,
Пела в клубе непонятная мисс
И запала глубоко в честную душу.
Сдал совработник на старости лет,—
Безответное сердце рвалось на части,
Слагал Маруськин за куплетом куплет,
Но разве есть утешение в радио-страсти?!
В клубе Маркса влюбленный часами сидел,
Пожирая приемник неистовым взором,
Но счастью поставлен был жуткий предел:
Вместо мисс, из Парижа—контральто с тенором!!.
А мисс? Где ты, мисс?? Где же мисс О'Бризак???
Блистая красою, в почете и в холе,
В Сан-Франциско, уставивши в рупор глаза,
Она пела попрежнему в Радио-Холле.
И сопрано лилось во все части света
Непонятной и нежной улыбкой привета...
А Маруськин бесславно пошел ко дну:—
Перешло Сан-Франциско на другую волну!.

Александр Флит

КАНИТЕЛЬ

В Себежском у., Псковской губ., при станции Нащокино имеется лесозавод, закрытый уже 2 года. А крестьянам без завода зарез. Стали хлопотать о покупке. Комиссия оценила завод в $1^1/_2$ тысячи, а когда крестьяне хотели внести деньги, получилась бумажка, что завод стоит уже пять тысяч. Крестьяне бросили хлопотать. (Из газет)

Рис. А. Радакова

— Что ж это, товарищ?! Явите милость, отдайте завод за полторы тыщи. Все равно, разрушается...

— Пять тысяч, и ни копейки меньше.

Спустя год — Что вы, братцы?! За уборку строительного мусора такие деньги?!
— Пять тысяч, и ни копейки меньше.

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА... БОЛЬНУЮ

— Чего звоните в чужой номер?
— Тьфу, чорт! Опять телефонистка кнопки перепутала...

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ДНЕВНИК ТЕЛЕГРАФИСТА.

29 марта 25 года, 14 часов 20 минут, провод 606, катушка 87, ряд 3, ст. Пенза I, Сыз.-Вяз. жел. дор.

„Я Никоново ДН2 Гутафель попросите ДЦХ"

„Я ДЦХ".

„Я ДН2 Гутафель К приходу п № 93 передайте ДС, чтобы приготовил обед на 5 человек. Поняли?"

„Понял, хорошо".

Того же марта по тому же проводу, катушке и ряду — в 17 часов:

„Я Леонидовка попросите ДЦХ".

„Я ДЦХ".

„ДН2 Гутафель просит вас передать ДС, чтобы приготовили буфете обед на 5 персон".

„Хорошо.."

Хорошо, да не очень. Не хватает нижеследующего продолжения телеграфных переговоров по той-же катушке:

„Я ДН2 Гутафель попросите ДЦХ".

„Я ДЦХ".

„Похлопочите строгом выговоре на одну персону для меня".

СОТРУДНИКИ ПРОСВЕЩЕНИЯ.

Кто не любит комфорта?!

На станцию Кузино (Перм. ж. д.) посылается от Союза литература и газеты.

Уполномоченный и прочие употребляют эти газеты, при еде, вместо скатерти.

Обращение с таким уполномоченным должно быть самое изысканное:

— Скатертью дорога!

ОХРАНА.

На станции Владиславовка (Южн. ж. д.), агент охраны тов. Щербаков—

решил от скуки заняться охотой и открыл стрельбу из казенной винтовки по скворцам, сидевшим на проводах. В итоге — скворцы пострадали меньше, нежели провода, оказавшиеся перебитыми.

Говорят: пуля — дура.

В этом случае пуля нашла себе подходящего кавалера.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

„Километр" сообщает об одном замечательном объявлении.

Висит оно на двери конторы нач-ка станции Кремлево (Ряз.-Ур. ж. д.) и гласит буквально следующее:

„Строго воспрещается вход в контору нач. ст. по каким бы то ни было делам".

Если рядом повесить обычное объявление:

„Без дела не входить"— тогда совсем крышка!

Ни с делом, ни без дела! Ни так, ни эдак!

До чего хитрый бездельник!

ЗАЗЕМЛЕНИЕ.

В поселке „Свобода" Сабуро-Покровской волости, Козловского уезда, Тамбовской губернии крестьяне произвели интересный опыт.

Пишет рабкор Черный:

Гр. А. П. Сычев, служащий будки осмотрщиков ст. Тамбов, напился до бесчувствия. И вот крестьяне зарыли его до пояса в землю и еще поили самогоном, приговаривая:—Пей, пока не лопнешь.

Не слышно, чтобы Сычев лопнул. В газетах об этом не пишут. Стало быть, он и до сих пор торчит в земле, как свекла, и продолжает пить.

Сычев пьет, а земля высасывает...

Смотрите, братцы, как бы земля-матушка не свихнулась от такой механики!

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧЕМ НИКОГДА.

На основании этой мудрой поговорки,—

в Иваново-Вознесенске, в 3-е отделение Службы Эксплоатации Северной ж. д. прислали книжку расписаний поездов на *зимний сезон* 1924—25 г.—*десятого марта*. А с первого мая, как известно, вводится летнее расписание. Хорош зимний период!

А чем-же плох? С десятого марта по первое мая! Только-то! Прямо, можно сказать,—круглое лето в Иваново-Вознесенске.

И администраторы тоже—круглые... гм!... умницы.

ТАРАБАРЩИНА

Тарабрин, помощник н-ка станции Ясаково (Моск.-Каз. ж. д.) дежурил в ночь с 18 на 19 апреля.

По случаю пасхи зазвонили колокола, и расчувствовавшийся Тарабрин занес большими буквами в книгу сдачи дежурства и в журнал движения поездов:

„Христос Воскресе!"

и не догадался приписать:

„поставлен в тупике, на четвертом пути, как пришедший в негодность."

МЕДНОЛОБАЯ КООПЕРАЦИЯ

Самый благодарный народ—кооператоры. Особенно в советской глуши. В „Ижевской Правде" (№ 85) читаем:—

ШТУКА

Б.-Пурга, Глаз. уезда

12 марта состоялись перевыборы правления и ревизионной коммиссии ЕПО. На собрании участвовали представители от глазовского райсоюза. Собрание было довольно бурное, особенно много высказывались после докладов правления и ревкомиссии.

ПОСТАНОВИЛИ: правление предать суду, а ревкомиссии (*за то, что она сумела раскрыть всю картину, вынести порицание!?*). Вот так штука!

Очевидно, близость Урала, как ни как, сказывается: обилием лучшей Уральской меди во лбах местных кооператоров!

СТРАНИЧКА СЕЛЬСКОЙ МЕДИЦИНЫ

Серьезный народ сельские Лекпомы и Фельдшера. Прекрасно изучили искусство приготовления лекарств. Знают, что без спирта ни одного лекарства не получишь. Да не только—лекарства, хорошего фельдшера без спирта получить не возможно:—„Сов. Мысль" в городе Великом Устюге сообщает, например, что

Ветеринарный фельдшер Леденгского сельсовета прежде, чем приехать к мужику, советует „приготовиться". И обратно возвращается совершенно пьяным.

Правда, в последнее время в С. С. С. Р. появился новый тип сельских медработников избегающих применения спирта в медицине и предпочитающих так называемую гидропатию или водолечение: —„Советская Правда" в г. Челябинске сообщает, что

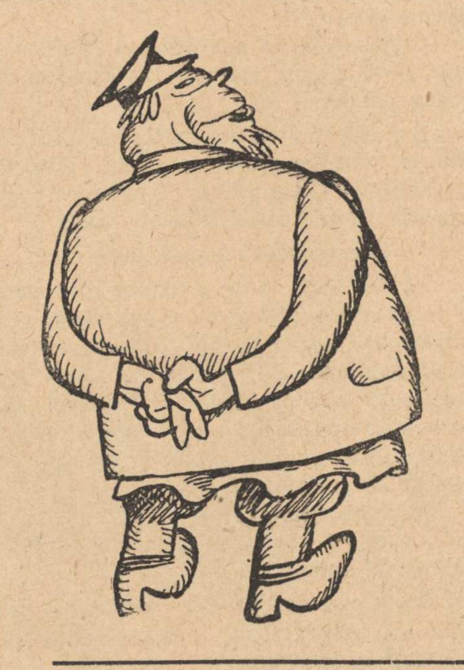
В селе Коровьем (Коровинского района) есть медицинский пункт. Фельдшер — заведующий больницы и его помощник Хилиманюк привозят спирт для больных. Но беда-то в том, что больным ничего не попадает, вместо спирта их натирают водой.

Зато заведывающий и его помощник, как ни посмотришь, все пьяные.

Тяжелый народ — больные! Задают им хорошую баню — натирают аккуратно водой, а они недовольны!!! Трудно живется медперсоналу на селе!!!

В особенности, в селе Коровьем, где все болящие—люди „тёртые".

НА ПЕРЕЛОМЕ.

ПЕРЕВЕРНИ СТРАНИЦУ.

УГОЛОК ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Собачья Жизнь.

Дорогой читатель! За недорогую входную плату (25 коп. с правом осмотра и прочтения 16 страниц большого формата) вы можете побывать в „Уголке Европы и Америки" Смехача, где всегда имеется дежурная сенсация: читайте—

> В Нью-Йорке (Америка), в центральном парке, устанавливается *памятник одной собаке. Стоимость памятника 15.000 руб.*

Все ясно и просто. И искать не стоит, где зарыта собака: тут же под памятником и зарыта.

„Хорошая" страна — Америка: там массы простых людей ведут собачью жизнь, но зато избранным собакам воздаются человеческие почести!

ПО ПЬЯНОМУ ДЕЛУ

Грустную весть принес телеграф из Парижа:—

> В Париже умер от *белой горячки* банкир миллионер Ротшильд, 63 л. от роду.

Сколько раз мы говорили старику: бросьте, уважаемый, пить, семью пожалейте, детей малых!

— С горя, говорит, пью я, товарищи, Коминтерн замучил, не ем, не сплю — Москву пред глазами вижу! Нет моей моченьки!! Так и спился старик. Все банкиры от биржевой горячки умирали, а он—от белой.

Так пьяным и хоронили.

ШИРОКАЯ НАТУРА

О веселых досугах сельсоветских работников рассказывает Челябинская „Советская Правда" (86):—

> В деревне Гагановой (Воскресенского района) член сельсовета Гречушкин В. напился в дым самогона.
>
> С песнями на взмыленном жеребенке, катался Гречушкин по деревне. По пути заехал на мельницу и в сельсовет.
>
> Утомился наш член от такого катания и решил поехать отдохнуть в народный дом, где устраивали спектакль на антирелигиозную тему. Один из крестьян остановил Гречушкина и говорит, что сюда пьяным нельзя, не говоря ни слова, наш герой отвесил такой увесистый удар по голове крестьянину, что бедняга на ногах не мог устоять.
>
> *Твое счастье, что ты мне—однофамилец, а то-бы я тебя еще не так угостил.*

Истинно не знает трудящийся человек, в чем его счастье: оказывается — в фамилии. А теперь пожалуй подаст в загс прошение о перемене фамилии: неловко пожалуй, — неровён час, еще с членом сельсовета спутают!

КООПЕРАТИВНЫЙ ЗЛАТОУСТ

Хорошо налажен Кооперативный аппарат в г. Златоусте. И повернут всецело лицом к деревне:—

> Большаковское сельско-хозяйственное товарищество (Коельского района) командировало своего члена правления, Ярина, за получением кредита в Златоуст.
>
> Ждут не дождутся члены, когда им дадут кредит. Весна идет, все надо, купил бы много, да денег нет, авось в кредит легче будет извернуться.
>
> Приехал, наконец, и Ярин. Ну, ребяты, получай в кредит! Повалили наши члены в лавку за товаром, а там дают в кредит, вместо товара крестьянского потребления, *карты да папиросы.* Хорош кредит, нечего сказать! Шутить, видно, правление над мужичками вздумало.

Суют в кредит карты, а потом удивляются, отчего карта кооперации бывает частенько бита!

ДЕЛА МИЛИЦЕЙСКИЕ

Один наивный селькор пишет в „Вятской Правде"—

> Начальник Слободской вол. милиции Рязанов, разговаривая по телефону в помещении волисполкома в присутствии массы крестьян, употребил такие выражения:
>
> — „Я их, председателей, сукиных сынов, всех отдам под суд и сгною в тюрьме".
>
> Мужички говорили, что последний раз эти самые слова они слышали от урядника в 1917 г. X.

Ничего удивительного, гражданин X. нет: в последний раз слышали от урядника в 1917 году, а теперь слышат то же самое в 1925 году от... того же урядника, перекрасившегося в начволмилиции. Вот и все!

А вы хотите, чтобы царские урядники да не выражались!

Всякое помещение надо время-от-времени чистить, в том числе и волмилицию.

УРАЛЬСКИЕ КАМЕШКИ

Уральские камешки - самоцветы очень хороши. Спору нет. Но есть и другие камешки на том же Урале—попадаются они в аппарате местной власти и засоряют государственную машину. Взять хотя бы, к примеру, Областной Финотдел:—

По сведениям „Уральского Рабочего" (№ 17)

> Облфинотдел затребовал с мест сведения о результатах, применения льгот по с.-х. налогу *в 270 граф.*

Ну и что же получилось? Не знаем. Но предполагаем: Облфинотдел затребовал сведения с мест; места затребовали срочно бумагу для анкет в центре. Центр затребовал у Бумтреста. Бумтрест для расширения производства затребовал новые кредиты у... Облфинотдела.

Так и будут вертеться в кругу.

А все дело в вычитании: из 270 граф выбросить 260, оставив 10. Подумайте, граждане из финотдела, над этим.

УМНЫЕ ЛЮДИ.

Умные люди сидят в г. Буе, Костромской губ, в Уездном Совете Физ-культуры! В „Московской Правде" читаем:

> В городе Буе, Костромской губ., УСФК увлекся грандиозными состязаниями, надувая ребят призами *вместо 5-тирублевого приза—фуфаек, ребятам выдали кожаные портсигары, а девушкам дамские редикюли.* Ребята недовольны и отказываются от приза *чем и воспользовались члены СФК.*

Спортсмены на площадках день и ночь упражняются, в состязаниях участвуют, а жюри призы получает. Впрочем, недаром получает, а за находчивость и изобретательность. Легче тридцать верст марафонским бегом бежать, и рельсу согнуть в дугу, чем незаметно, с достоинством, прикарманить чужое добро!

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ.

„Вятская Правда" в восторге от таланта одного скромного медработника:

> Метко определяет болезни фельдшер села Рябинова (Кум. вол. Вятск. у.) Усачев. Заболела у ученика местной школы голова, Усачев отметил:
>
> — Сыпной тиф.
>
> Определил и широко оповестил население. На другой день больной „сыпняком" был совершенно здоров. А в школе занятия были сорваны на 2 недели.

У ученика голова оказалась здоровой, а у Усачева—больной: не все гайки подвинчены. Что же удивительного в том, что Усачев свалил, по пословице, с больной головы на здоровую?!

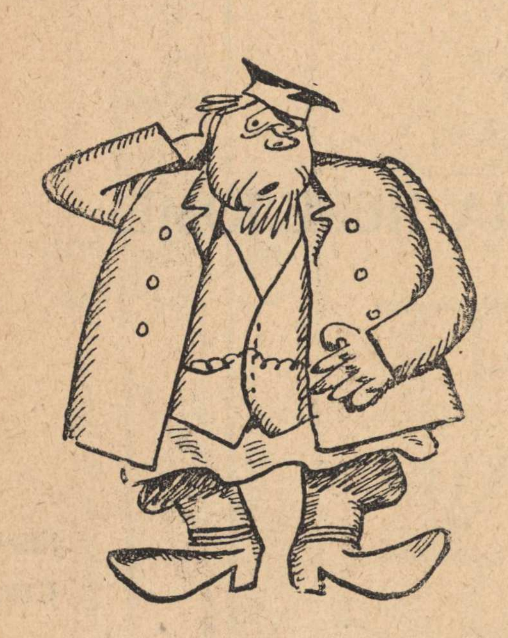

Рис. А. Юнгера

„БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ШПИОН"

Это—из моих воспоминаний и относится к тому времени, когда я занимал неблагодарный пост первого секретаря полномочного представительства СССР в... в одной республике.

Однажды, в мой кабинет вошел, мягко, неслышно ступая,—не вошел—вкрался,—нетрезвый и неопрятный субъект, в сильно помятом сером, с претензиями на шик, костюме.

— Бонжур, мосье,—осклабился субъект, обнажая изжелта-зеленые, с прочернью, гнилые зубы.—Бонжур, мосье! С добрым утром!.. Какая прекрасная погода!

И ловким, элегантным движением он снял запыленную, уныло-посеревшую соломенную шляпу и пунцово-оранжевым платочком отер пот со лба. Отвесив один за другим,—с короткой расстановкой,—три эффектных парикмахерских поклона, он щелкнул воображаемыми шпорами—и протянул мне руку. Я... что делать!—должность такая,—я тоже протянул ему руку: у него была рука потная, липкая, склизкая, как лягушка... бррр...

— Разрешите сесть? — и снова элегантный поклон.

— Пожалуйста... Чем могу служить?

От него пахло водкой, табаком, клопами—и еще чем-то прогоркло-кислым,—застоявшийся такой, жилой, жильевой запах,—смешанный запах: сюда входит пот, грязь,—вообще, тельность... „Он, верно, никогда не раздевается, спит в одежде..." подумал я...

Он говорил долго, длинно, путанно и цветисто... Заученная речь, неоднократно прорепетированная. Он начал с того, что—

— Прежде всего, конечно, вы должны знать, кто я такой... Так вот, разрешите в общих чертах изложить...

История его оказалась очень простая и очень банальная. Таких историй много,—по моим подсчетам, их должно быть не менее полумиллиона.

Он—бывший офицер. Служил верой и правдой (тут—дрожь в голосе и правая рука прижимается к груди трагически)... Да, ве-е-эрой и пр-равдой... Был на войне. В начале 18-го года бежал из Петрограда в Киев,—кто тогда не бежал?..

— Охваченный стадным чувством... Старушка-мать...

Старушка-мать повторяется через каждые 2—3 абзаца, в начале и конце каждой главы рассказа.

В Киеве безумствовал. Служил гетману. Носил вензеля, был в свите. Перешел к Петлюре. Перешел к Деникину. Безумствовал. Пьянствовал. Грабил. Бил.

— Крестьян бил шомполами...

Трагическая дрожь в голосе усиливается и углубляется. Шопоток пьяненький, с наигранной искренностью - откровенностью - надрывностью. Вот, мол, на!—всю душу наизнанку выворачиваю... В мыслях моих (каюсь: я привык думать книжно,—застарелая, неизлечимая интеллигентская привычка) мелькнуло:

— Достоевщина...

— Да, я знаю, я гадок, я отвратителен... Я жалок...

После Деникина был Врангель. Еще больше безумствовал. Месяцами из-под кокаина не выходил.

Потом мытарствовал по всей Европе, в комитетах разных пороги обивал, спал в кабаках—и на улице тоже случалось.

— Вообще, вел вполне собачий образ жизни...

Тут—смешок,—жиденький такой,—хе-хе-хе,—слабосильный.

— Но за это время я много передумал...

Пауза... Пауза, рассчитанная—явно—на мою чувствительность.

— Чем же я могу служить вам?—я придаю сухо-корректному, деловому своему тону некоторую резкость: покаяния мне надоели, это уже—которое по счету?..

— Я много передумал (тут—трогательность, задушевность в голосе)—и пришел к вам, так сказать, чистосердечно...

Пауза.

— Чем же я могу быть вам полезен?—некоторая резкость и некоторое нетерпение в тоне.

— Я—за вас...

— То-есть? Что это значит?

— Я—за советскую власть...

Я знал, что этим кончится.

— Ну-с?

— И... и... хочу предложить вам свои услуги.

— Подайте заявление на имя ЦИКА.

— Нет, я буду вам гораздо более полезен здесь.

— Здесь? Каким образом?

— Я могу принести вам пользу...

— Какую?

— Условимся раньше насчет... ну, поговоримте раньше об условиях.

— О каких условиях?

— Ну... неужели вы не понимаете?.. Ну, вознаграждение...

— ?!

— Я предлагаю вам свои услуги.

— В качестве?..

— Осведомителя. У меня есть связи.

— Какие связи?

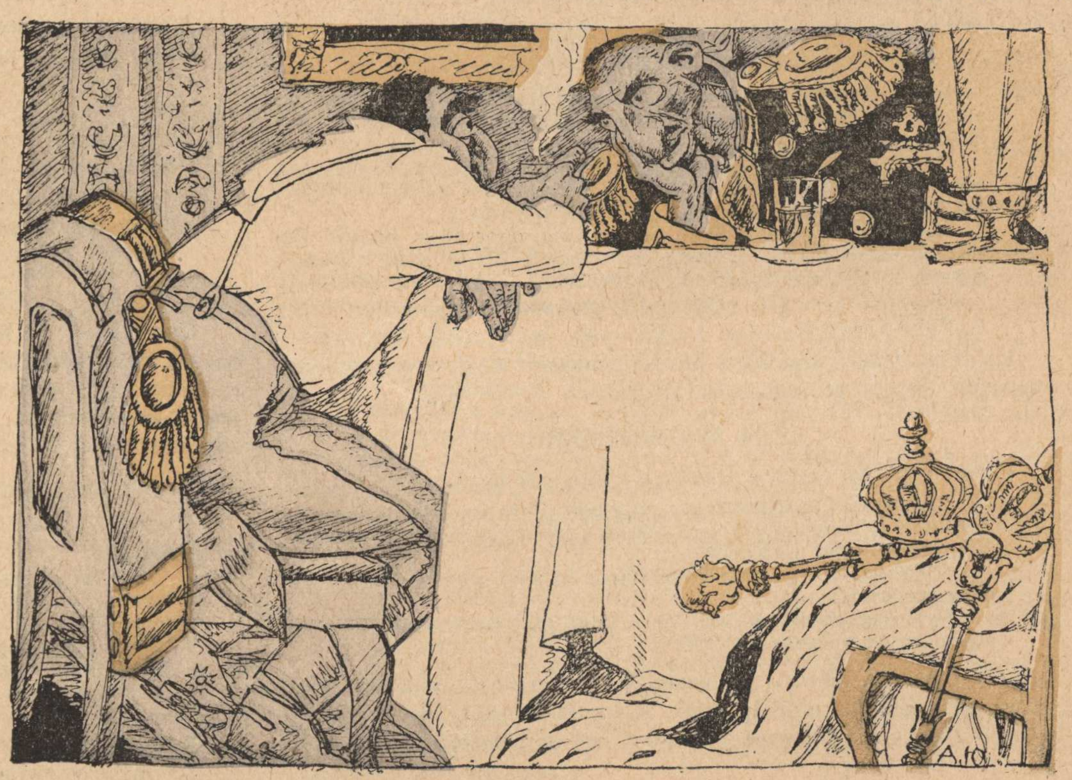
— В здешнем штабе. Я там служу.

У меня есть инструкции—и я твердо их придерживаюсь. Когда разговор доходит до этого места, я нажимаю кнопку, и в комнату входит дежурный курьер. Субъект начинает, как будто, понимать, что тут готовится — и, бледнея, ерзает на стуле, бормоча бессвязно:

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

„Тарифные ставки"

Годовой оклад европейских королей: испанский король получает 3.550.000 р., датский—600.000 р., норвежский—493.000 р., шведский—929.000 р., бельгийский—2.150.000 р. (Хроника)

— Ну, как жизнь?

— Э! Живешь по ставке и каждый день ждешь, что тебя сократят...

В „ВЕНЕ“

Рис. Г. Эфроса

200 американских миллиардеров выехали отдыхать в Европу и везут с собой 500 тысяч долларов. (Из газет)

— Мишка, мети чище. Может, и к нам заглянут.

— Напрасно, напрасно... Напрасно вы это делаете... Я мог бы принести вам пользу... Здешний штаб... У меня связи... Я многое знаю... Я и про вас знаю...

В глазах появляется злой, колючий блеск.—Я и про вас знаю. Не думайте...

Инструкция велит мне быть корректным до конца. Я говорю курьеру—стараясь придать своему голосу спокойную мягкость:

— Будьте любезны, товарищ, препроводите этого господина и сдайте...

А субъекту:

— Будьте любезны, передайте, пожалуйста, здешнему штабу, чтобы больше таких не посылали...

И вот, сейчас, в 1925-м году, после всего того, что было, — после убийства Вечоркевича и Багинского, после Усаса, после минского консула, после... после... да вы сами знаете!—после всего этого—сданный мною из рук в руки полиции нетрезвый и неопрятный субъект снова появляется на сцену. В качестве... большевистского шпиона. Ему отведена главная роль в новой кровавой инсценировке, поставленной польским правительством, — „Суд над служащими советского посольства...“ Этому субъекту предстоит, скомпрометировав СССР., спасти честь Польши. Впрочем, я нисколько не удивляюсь, что именно на *его* долю выпала эта честь. Честь Польши—и грязный субъект—полнейшая гармония.

А. Меньшой

„ОТ НЕЯ ВСЕ КАЧЕСТВА“

— Отчего солнце так рано село?

— Село, говорите? Должно быть, за растрату оно, подлое, село!

„УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ“... РЕЦЕНЗИИ или—

Группа артистов МХАТ - 2, с премьером Жилинским во главе, недовольная рецензией сотрудника „Огонька“ Угрюмова, пригласила его в контору и стала избивать. (Из газет).

Рис. В. Л.

—вечером у огонька.

СТАЛЬНАЯ КОБЫЛА

Крестьяне деревни Прусвеня, Волховского уезда, постановили обменять церковные колокола на трактор.

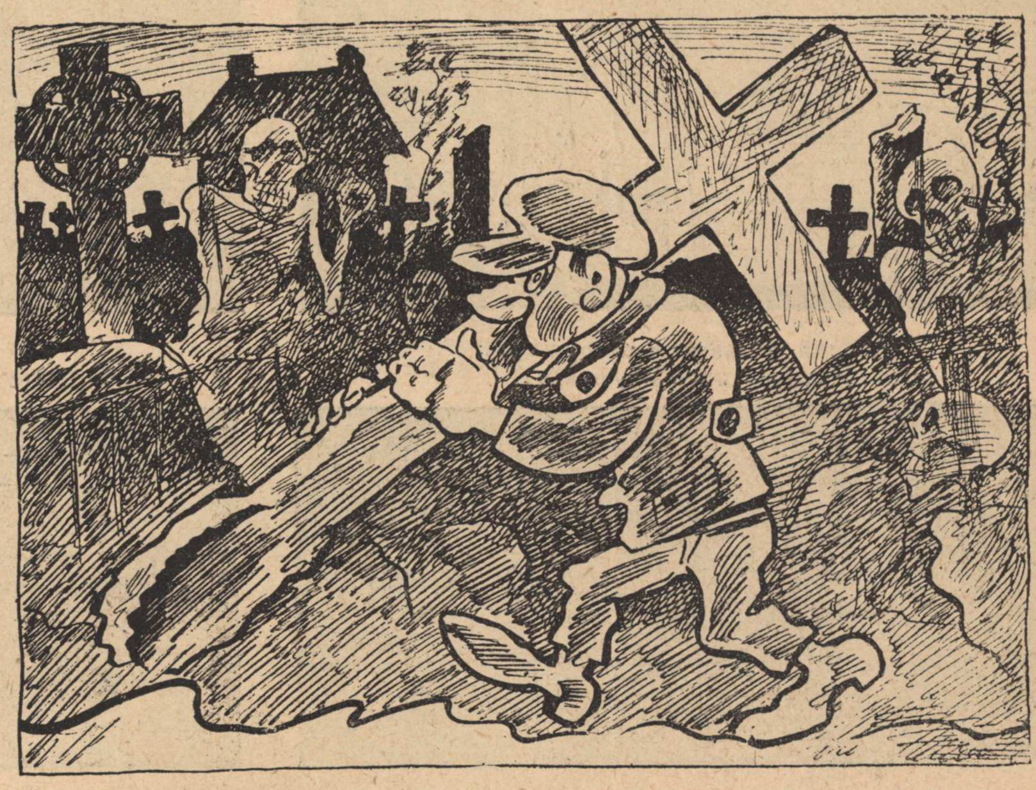
Променяли на стальную кобылу
Мужики церковные колокола.
Придется отцу Гаврилу
Удирать из села.
Безголосая церковь—могила,
Православных кнутом не сберешь,
Победила машинная сила
Поповскую ложь.
Накажет господь длиннoруких!
Даром не пройдет,—нет!
И посейчас колокольные звуки
Слышит старуха во сне...
Шамкает беззубая Ненила
И смотрит на церковную каланчу...
Слопает стальная кобыла
Всю церковь по кирпичу.

Н. Тихомиров

„С КРЕСТОМ НА СПИНЕ"

Рис. Н. Радлова

Участились случаи краж надмогильных памятников, крестов, бюстов и других предметов на кладбищах. (Хроника)

— Иш ты, жисть проклятая! Сам и крест тяжкий несу, и меня же к ответу тянут!

САПОЖНЫХ ДЕЛ МАСТЕРА
или
ЛЫКО ДА МОЧАЛО—НАЧИНАЙ СНАЧАЛА

(Правдивая история)

Глава I.

Рядовой пожарник депо станции Тверь, тов. Журавлев Николай, ждал-ждал, когда ему, как и прочим, выдадут сапоги (спецодежду) за 1923 год.

Глава II.

Надоело ждать тов. Журавлеву. Сапоги сносил, новых не дают — ноги начинают снашиваться.

А новых ног, тем более, не получишь. Подал заявление брандмейстеру.

Глава III.

Брандмейстер—начальнику участка Службы Тяги.

Глава IV.

Начальник—в Управление дороги.

Глава V.

Управление дороги вернуло всю переписку, указав, что сапоги своевременно отосланы в Тверь, а почему сапоги не дошли до Журавлева, управление не знает и „предлагает ликвидировать вопрос на месте".

Глава VI.

На месте, так на месте! Без сапог все равно с места не сойдешь! Снова Журавлев Николай подал заявление брандмейстеру.

Глава VII.

Заявление, как известно, ходит без сапог и поэтому моментально дошло до брандмейстера.

Глава VIII.

От брандмейстера — до начальника участка.

Глава IX.

От начальника уч-ка—обратно к брандмейстеру, с просьбой—разъяснить. Мол, не на пожар скачет Журавлев,—зачем же ему сапоги?

Глава X.

От брандмейстера — к начальнику, с разъяснением. Мол, не нравится ждать обещанного три года.

Глава XI.

От начальника—в счетный отдел.

Счетный отдел сосчитал в уме до десяти и—

Глава XII.

— вернул заявление начальнику участка.

Глава XIII.

Начальник участка—кладовщику с резолюцией:

„Митрофанов—разберись".

Глава XIV—XV.

Митрофанов пробовал разобраться, но тщетно...

Глава XVI.

Отнес и лично передал заявление заместителю н-ка участка.

Заместитель подумал—куда-бы еще отослать. Но ничего не придумал и „заместил" заявление под сукно.

Глава XVII.

Тут его и нашел Журавлев Николай. Нашел и не признал—до того с лица изменилось: все потерлось, перемазалось, разукрасилось резолюциями. Краше в гроб кладут.

Заплакал Журавлев,—горячими слезами ноги босые обливает...

Что делать?

Глава XVIII.

Написал копию и, вместе с покойным заявлением, подал в местком...

Глава XIX.

Местком рассмотрел.

Глава XX.

Передал в РКК. РКК рассмотрела, нашла требование Журавлева Николая правильным и—

Глава XXI.

передала опять в Управление (глава IV). Управление рассмотрело и, слово-в-слово, ответило так-же, как в V-й главе: „сапоги своевременно отосланы в Тверь. Ликвидируйте на месте."

Эпилог.

Журавлев рассмотрел ответ и видит, что сапог ему не видать!

Что делать? Кому жаловаться?

И, по словам рабкора, просит Журавлев Николай редакцию „Смехача"—„дать ему совет: нужно-ли еще подавать заявление или плюнуть и ходить босиком?"

От редакции:

Плевать в присутственных местах воспрещается.

И Пр.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА"

(Адрес для корреспонденции: Ленинград, пр. Володарского, 53а).

Евпатория. Автору заметки для „Тараканов в тесте". Напрасно боитесь сообщить свою фамилию: фамилии корреспондентов держатся в секрете.

Ленинград. Рабкору „Ленинградской Правды." Присланное используем. Шлите еще.

Там-же. Звуку. Помещаем потому, что ваши звучные стишки обращены не к нам, а к читателю:

Хоть я все-таки и трепач
И треплюсь цельный день,
Люблю читать журнал „Смехач",
Хотя мне все-таки и лень.
„Смехач" журнал очень хороший
И затрагивает ряд живых вопросов.
Чтоб подписались на „Смехач",
Читатель, всех подначь!

Кто за резолюцию предыдущего оратора, просим поднять руки. Все? Принята единогласно. Опустите руки и подпишитесь на „Смехач" (60 коп. в месяц).

Свердловск, Льву Ф. Лев Ф. посылает „три вещицы—правда, не претендующие на злободневность и немножко фривольные".

Например *„Динамит"*:

Дина Митю любит ясно.
Дину Мит любовь томит.
Отвечает: „я согласна!"
Ставит подпись „Дина Мит".

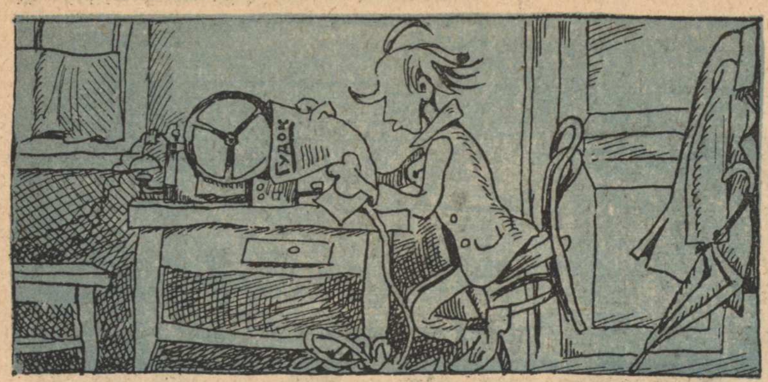
Довольно. Боимся взорваться.

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчик

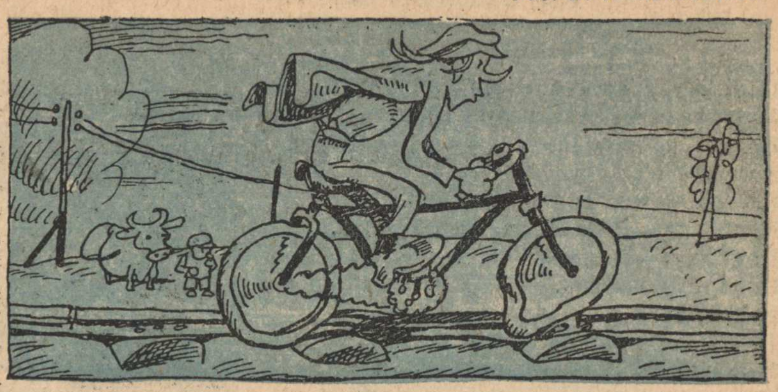
Ленинградский Гублит. № 11373. Типография "Инвалид Печатник" Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж 60.000

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН—ЖЕЛДОРОЖНЫЙ ЭКСПЕРТ

Текст А. д'Актиля *Рис. Б. Антоновского*

Евлампий Надькин в сокрушеньи:
Опять прочел он о крушеньи!

Он едет—выяснить готов
Причину частых катастроф.

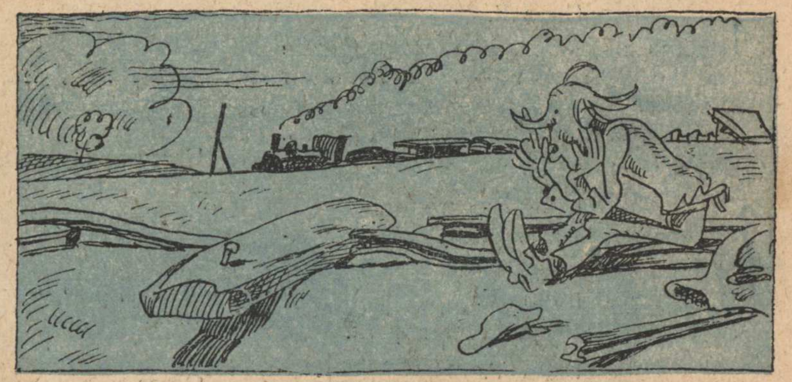
Снял гайку. Где в ней недостатки?
Нет, гайка, кажется, в порядке!

За гайкой—рельса. Что за чорт!
Как хочешь, рельса—первый сорт!

За рельсой—шпала. Вот забавно!
И шпала, кажется, исправна!

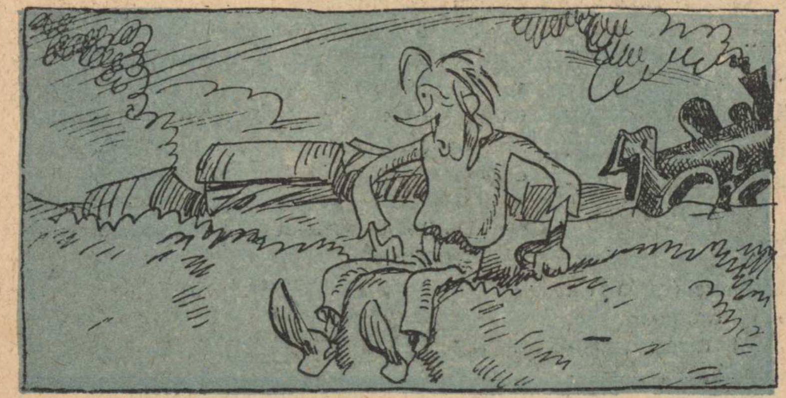

Евлампий вытер пот с чела...
— Так в чем-же, значит, корень зла?

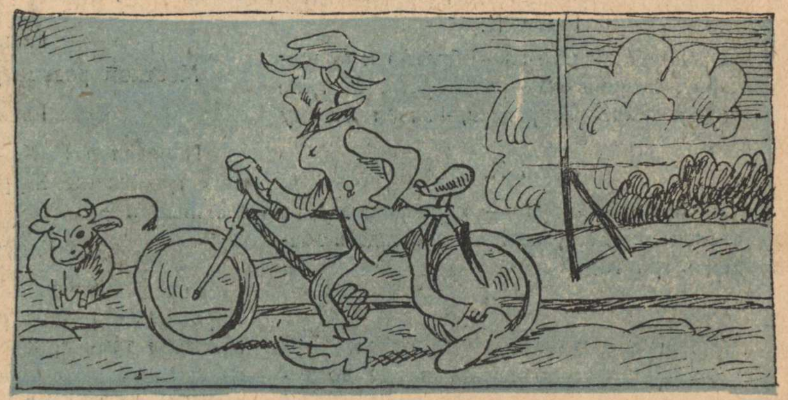

В смятеньи Надькин. Вот поди-же!
А поезд той порой все ближе.

Дошел до места паровоз
И—тррах!—свалился под откос.

Евлампий взмок весь от загадки...
— Ведь, все решительно в порядке:

И болт, и гайка, и кольцо...
А катастрофа на лицо!